

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

1900.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ТРЕХЪ ТАБЛИЦЪ И ОДНОГО ПОРТРЕТА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лпн., № 12.

1901.

Въ защиту Ибнъ-Фадлана.

Въ XI-мъ томѣ Записокъ Импер. Русскаго Археолог. Общества (вып. 1—2, стр. 161—166) А. А. Сплицынъ помѣстилъ нѣсколько замѣтокъ относительно степени достовѣрности Записки Ибнъ-Фадлана о болгаряхъ и руссахъ первой четверти X-го вѣка, заключающейся въ извѣстномъ арабскомъ географическомъ словарѣ Якута.

По мнѣнію А. А., эта, какъ онъ выражается, «прославленная» Записка въ сущности представляетъ мало содержательный и безпорядочный рассказъ, полный несообразностей, неточностей, опущеній, искаженій, умолчаній и недостатковъ изложенія, и въ ней «нѣтъ ничего, что не возбуждало бы сомнѣній».

Всѣ эти погрѣшности А. А. объясняетъ тѣмъ, что Ибнъ-Фадланъ самъ вовсе не былъ ни у болгаръ, ни у руссовъ, а составилъ свою Записку, невполнѣ внимательно, съ плохо-понятыхъ словъ очевидца, мало интересовавшагося посѣщенными имъ землями. На взглядъ А. А., «добросовѣстный и осторожный» Якутъ¹⁾, ни въ чемъ не переимчившій и не выправившій текста Записки, при всемъ томъ не только «самымъ неосторожнымъ образомъ назвалъ Ибнъ-Фадлана посланникомъ Муктадиръ-Биллаха, хотя въ Запискѣ очень опредѣленно посланникомъ называется другое лицо, Сусанъ-ар-Раси», но и несомнѣнно, въ видахъ редакціонныхъ, кое-что выпустилъ и кое-что прибавилъ отъ себя.

Мнѣніе о томъ, что Якутъ «несправедливо» назвалъ посланникомъ не Сусана, а Ибнъ-Фадлана, высказалъ еще въ 1832-мъ году пок. Фрэнъ²⁾, который впрочемъ при этомъ не мотивировалъ своего упрека, но не отвергъ участія Ибнъ-Фадлана въ посольствѣ, въ качествѣ посольскаго секретаря. А. А., поясняя свой приговоръ о неосторожности Якута тѣмъ, что «двухъ

1) Осторожность Якута, которой А. А. придаетъ особенное значеніе, заключается въ словахъ: «на немъ (Ибнъ-Фадланъ) лежитъ отвѣтственность за то, что онъ разсказалъ». Между тѣмъ это самая заурядная, хотя и весьма похвальная фраза, къ которой прибѣгаютъ арабскіе писатели, когда они съ чужихъ словъ говорятъ о предметахъ, имъ самимъ незнакомыхъ.

2) *Drei Münzen der Wolga-Bulgharen* (1830) и *Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgharen* (1832) въ *Mém. de l'Acad. Impér. de St. Pétersbourg*, VI-e sér., Se. polit. etc. T. I, p. 171—204 и 527—577. При этомъ Фрэнъ замѣтилъ, что Сусанъ «несомнѣнно» былъ тотъ самый халиескій камергеръ, который упоминается въ лѣтописи эль-Макина (*Hist. Sarac.*, p. 196). Между тѣмъ упомянутый камергеръ скончался еще въ 296 году, т. е. за 13 лѣтъ до снаряженія посольства, въ которомъ участвовалъ Ибнъ-Фадланъ (см. *Ibn el-Athir VIII*, 42. *Arab*, стр. 30).

посланниковъ не могло быть», говорятъ еще, что съ мѣнѣемъ Френа (на счетъ посольскаго секретарствования Ибнъ-Фадлана) трудно согласиться, потому что въ исторіи посольства это было бы отмѣчено, да и самое посольство, про которое говорится въ Запискѣ, было не посольство въ точномъ смыслѣ этого слова, а только предварительное, п 2) рассказъ въ Запискѣ, начиная со словъ «мы отправились изъ Города Мира», ведется отъ племени Ибнъ-Фадлана, а Сусана.

Первое возраженіе А. А. опровергается дѣлымъ рядомъ упоминаемыхъ восточными историками посольствъ; состоявшихъ не только изъ двухъ, но и большаго числа «посланниковъ». Такъ напр. о *двухъ* посланникахъ, отправленныхъ одновременно, по одному и тому-же дѣлу въ одно и тоже мѣсто, въ 290, 294, 305, 343, 377 и 379 годахъ мусульманскаго лѣтосчисления, упоминается въ лѣтописяхъ Табары (III, 2236 и 2277), Ариба (стр. 64), Ибнъ-эл-Асира (IX, 37, 44), Абульфеда (II, 330, 333, 744), а относительно еще большаго числа такихъ посланниковъ, отправленныхъ въ 298, 336, 338, 375, 428, 576, 662, 664—666 годахъ, см. Ibn-el-Athir VIII, 46; IX, 32, 39, Ibn Adhari II, 231, Wüstenfeld, Fatim. p. 142, Абушаме II, 19; Quatremère, Maml. I, 1, p. 94; I, 2, p. 18, 24, 28, 36, 40, 48, Makkarî, I, 234). Какъ распределены были обязанности этихъ посланниковъ, кто изъ нихъ считался старшимъ, кто младшимъ, это намъ пока неизвѣстно, но каждый изъ нихъ, очевидно, судя по лѣтописнымъ даннымъ, носилъ названіе посланника (رسول). Вотъ почему Якутъ былъ въ правѣ назвать Ибнъ-Фадлана посланникомъ, не говоря уже о томъ, что въ рукахъ его могли находиться еще другія, недошедшія до насъ, лѣтописныя данныя, свидѣтельствовавшія о посольскомъ званіи Ибнъ-Фадлана, хотя роль его въ посольствѣ и могла быть второстепенною.

Разсужденіямъ о томъ, что посольство это было лишь «предварительное», что «естественнѣе думать», что Сусанъ отправился при обыкновенномъ купеческомъ караванѣ, что этимъ «быть можетъ» объясняется почти годовое пребываніе его въ пути¹⁾, и что онъ ѣхалъ съ незначительной свитой, «можетъ быть» просто съ прислугой (нѣсколько строкъ далѣе Сусанъ названъ «главнымъ членомъ посольства»), разсужденіямъ этимъ врядъ ли самъ А. А. придастъ какое-нибудь *научное* значеніе.

Предположенію А. А., что въ Запискѣ весь рассказъ, начиная со словъ «мы отправились изъ Города Мира» ведется отъ племени Сусана, во первыхъ прямо противорѣчитъ встрѣчающаяся ниже фраза рассказчика,

1) Въ Запискѣ эта продолжительность путешествія объясняется тѣмъ, что посольство ѣхало изъ Багдада къ болгарамъ черезъ Харезмъ.

что при раздачѣ болгарскимъ царемъ кусковъ мяса «царь подалъ кусокъ посланнику Сусану». Выходить, что Сусанъ говорить о самомъ себѣ въ третьемъ лицѣ. Неудобную фразу эту А. А. устраняетъ самую простою (и единственною въ такихъ критическихъ случаяхъ) догадкою, что въ текстѣ опяска, что первоначально стояло «подавъ мнѣ» и что эти слова переименованы Якутомъ или вѣрнѣе (въѣдъ Якуть «остороженъ» и «добросовѣстенъ»), его переписчиками¹⁾, и должны быть отнесены къ числу редакціонныхъ поправокъ. Во-вторыхъ А. А., не будучи знакомъ съ арабскимъ подлинникомъ, слѣпо придерживался перевода, въ которомъ не обращено вниманія на то, что слово *حنا* въ данномъ случаѣ значить не просто «мы отправились», а «мы оба отправились», потому что передъ этимъ говорится только о двухъ лицахъ, Ибнъ-Фадланъ и Сусанъ (въ арабскомъ языкѣ 1-ое лицо двойственного и множественнаго числа прошедшаго времени имѣетъ одинаковое окончаніе); кромѣ того, передъ фразою «мы отправились» въ переводѣ пропущенъ находящійся въ подлинникѣ союзъ *و*, ясно указывающій, что это идетъ продолженіе разсказа Ибнъ-Фадлана, а не начало разсказа Сусана, какъ полагаетъ А. А., который, очевидно, незнакомъ также съ постояннымъ повтореніемъ арабскими писателями глагола *قَالَ* «онъ говорить» (собственно «онъ сказалъ»), когда ходъ передаваемого ими чужого разсказа прерывается какою-нибудь вставкою. Буквальный переводъ Якутова текста, о которомъ тутъ идетъ рѣчь, слѣдующій (прерывающія его вставки мною обозначены курсивомъ): «*говоритъ онъ* (т. е. Ибнъ-Фадланъ): когда прибыло (къ халифу) письмо Альмаса и пр., то ему (Альмасу) было отвѣчено согласіемъ на это. Я (Ибнъ-Фадланъ) началъ читать письмо къ нему (халифу) и передавать подарки и пр.; *посланникомъ со стороны султана* (т. е. халифа) *былъ Сусанъ-ар-Расси. Говоритъ онъ* (Ибнъ-Фадланъ): и отправились мы оба (Ибнъ-Фадланъ и Сусанъ) изъ Города Мира) и пр. За тѣмъ Якутъ прибавляетъ отъ себя: «*потомъ онъ* (Ибнъ-Фадланъ) *утоминаетъ о томъ, что ему случилось на пути въ Харезмъ и оттуда въ страну славянъ, что было бы долго разсказывать. Дальше онъ* (Ибнъ-Фадланъ) *говоритъ*»: и когда мы оба были на разстояніи дня и ночи отъ царя славянъ и т. д. Затѣмъ фраза «онъ (Ибнъ-Фадланъ) говорить» неоднократно вставляется Якутомъ также далѣе, и каждый разъ за нею слѣдуетъ союзъ *و*.

Такимъ образомъ для каждого, знакомаго съ построеніемъ арабской рѣчи, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что весь разсказъ идетъ не Сусанъ, а Ибнъ-Фадланъ.

1) По словамъ Казвини (Космографія, изд. Вюстенфельда, II, 414) царь болгарскій далъ кусокъ мяса Ибнъ-Фадлану (какъ это уже замѣтилъ Френъ, Die Wolga-Bulgharen, стр. 570), но тамъ и помину нѣтъ о Сусанѣ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ А. А. переименовываетъ смыслъ Ибнъ-Фадлана новаго разсказа. Такъ, напр., по его словамъ (стр. 163), разсказчикъ говоритъ о себѣ, что онъ «измѣнилъ службу за болгарскаго царя», и «принималъ мѣры» къ тому, чтобы женщины прикрывались при купаньи съ мужчинами, а это (говоритъ А. А.) могъ сдѣлать лишь «главный членъ посольства». Между тѣмъ Ибнъ-Фадланъ только «сказалъ» болгарскому владыкѣ (قلت له), почему ему «не подобаетъ» (لا يجوز) называться царемъ. Относительно купающихся женщинъ Ибнъ-Фадланъ никакихъ «мѣръ не принималъ», а «старался» (اجتهدت), т. е. пытался лишь убѣдять женщинъ, чтобы онѣ при купаньи прикрывались отъ мужчинъ. О другихъ искаженіяхъ подобнаго рода см. ниже.

Для характеристики приемовъ, къ которымъ прибѣгнулъ А. А. въ видахъ подкрѣпленія своихъ шаткихъ догадокъ, остановимся еще на одномъ пунктѣ. Авторъ Записки разсказываетъ, между прочимъ, что онъ зашелъ съ царскимъ портнымъ (язъ Багдада) въ свою палатку и тамъ бесѣдовалъ съ своимъ землякомъ около получаса. О чемъ они говорили, въ Запискѣ ничего не сказано, и далѣе о портномъ нигдѣ болѣе не говорится ни слова. Этому незатѣйливому разсказу Ибнъ-Фадлана А. А. придалъ слѣдующую фантастическую окраску (стр. 164—165): «Всего вѣроятнѣе, что главнымъ источникомъ всякаго рода свѣдѣній о болгаряхъ и руссахъ былъ тотъ портной изъ Багдада, существованіе котораго такъ старательно отмѣчено въ его разсказѣ. . . . Такъ какъ въ бесѣдахъ съ портнымъ разговоръ переходилъ съ темы на тему, отъ одного народа къ другому, отъ болгаръ къ руссамъ и наоборотъ¹⁾, то въ разсказѣ. . . . свѣдѣнія о той и другой народности легко могли быть перепутаны».

Посмотримъ теперь, какія же это несообразности, неточности, искаженія и т. д., въ которыхъ А. А. обвиняетъ составителя Записки.

1) Разсказъ о томъ, что въ болгарской землѣ красное освѣщеніе окрестностей при солнечномъ восходѣ продолжается до тѣхъ поръ, пока солнце не поднимется «до зенита».

2) Замѣчаніе болгарскаго царя, что сѣверное сіяніе²⁾ наблюдается въ его странѣ «каждый вечеръ» и происходитъ отъ борьбы демоновъ на облакахъ, сопровождаемой громкими голосами и глухимъ шумомъ (последній А. А. проницски обзываетъ «чуть-ли не бряцаніемъ оружіемъ»).

3) Повѣствованіе о крайней нечистоплотности руссовъ, объ ихъ недержанности въ отношеніи ихъ рабынь, объ ихъ преданности пьянству, о

1) И откуда это вдругъ явилась такая любознательность у посланника, который, по словамъ А. А., «мало интересовался посѣщенными имъ землями».

2) Такъ уже Френъ назвалъ видѣнное и описанное Ибнъ-Фадланомъ свѣтовое явленіе. См. St. Petersburg. Zeit. 1831, № 56.

придворной жизни царя руссовъ и о хожденіи русскихъ торговцевъ къ идоламъ для принесенія жертвъ.

4) Указанія на какія-то «мнопочскія» нагрудныя лядунки, шейныя гривны, опредѣляющія размѣръ богатства мужей и «невѣроятныя» бусы, стоявшія каждад дргемъ.

5) «Неимѣющее никакой цѣны» упоминаніе о какой-то странѣ Вису, находящейся «будто бы» въ разстояніи 3 мѣсяцевъ пути отъ болгаръ.

6) Сомнительность свѣдѣній о множествѣ видѣнныхъ на болгарскихъ деревьяхъ змѣй (иногда по 10 на одной вѣткѣ), обиліе въ странѣ орѣховыхъ деревьевъ и «особенно любопытное» смѣшеніе въ одно признаковъ сосны и березы.

7) Пропускъ въ разсказѣ о первомъ приѣмѣ у царя болгаръ.

8) Невыясненіе роли, которую играла скамья съ подушками при похоронахъ русскаго знатнаго лица, странная обширность похоронной палатки и малочисленность подпоръ для большого судна, на которомъ былъ сожжёнъ покойникъ.

9) «Незаслуживающая довѣрія» постановка деревянныхъ идоловъ «близъ» зажженной лодки, вслѣдствіе чего они тоже должны были сгорѣть, и «неточное» описаніе обряда зажженія лодки.

10) «Искаженное» описаніе франкскихъ мечей, которые въ Запискѣ называются широкими, волнообразными, съ находящимися на каждомъ изъ нихъ (начиная отъ конца ногтя до шеи) зелеными деревьями, изображениями и другими вещами.

Не смѣю думать, чтобы А. А. написалъ свои замѣтки безъ предварительнаго и тщательнаго изученія миѣній и соображеній, высказанныхъ почти по всѣмъ этимъ пунктамъ прежними изслѣдователями Записки Ибнъ-Фадлана¹⁾. Къ сожалѣнію, онъ объ этомъ нигдѣ не говоритъ ни слова. Или онъ послѣдовать упоминаемому пмъ въ его замѣткахъ примѣру «нѣкоторыхъ осторож-

1) Не могу не привести здѣсь слѣдующее извлеченіе изъ Замятокъ В. В. Стасова о Руссахъ Ибнъ-Фадлана (Журн. Мин. Нар. Просв. за августъ 1881 г., стр. 281—282): «Въ теченіе болѣе чѣмъ полустолѣтія (съ изданіемъ соч. Френ а: Ibn Foslan's Russen) у насъ никогда не уменьшалось высокое понятіе о достоинствахъ и значеніи разсказовъ Ибнъ-Фадлана. И это по справедливости, потому что Арабъ этотъ, дѣйствительно видѣвшій собственными глазами страны и народы на Волгѣ, описываетъ видѣнное съ такою подробностью, добросовѣстностью, живостью и картинностью, какимъ немного можно сыскать примѣровъ между его соплеменниками, писавшими о Востокѣ Европы 9 столѣтій тому назадъ. Эти разсказы его совершенно справедливо могутъ быть названы и безцѣпными и несравненными, поэтому то очень повитно, что всѣ наши историки и изслѣдователи никогда не сомнѣвались въ правдивости и достовѣрности Ибнъ-Фадлана, постоянно черпали широкой рукою въ описаніяхъ его и вносили въ свое изложение иножество характерныхъ и въ высшей степени важныхъ этнографическихъ чертъ».

ныхъ ученыхъ» и счелъ дѣломъ благоразумія обойти молчаніемъ эти мнѣнія и соображенія, какъ бы ихъ совсѣмъ не существовало?

Съ своей стороны могу отвѣтить на вышеприведенныя замѣчанія слѣдующее:

1) Арабское выраженіе *نكبت السماء* значить не только «подняться на небѣ *до зенита*», но вообще «подняться на небѣ *до высшей точки стоянія*», какъ и переведено Френомъ: «bis die Sonne den höchsten Standpunkt erreicht hatte». См. Fraehn, Die ältesten arab. Nachrichten über die Wolga-Bulgharen, стр. 573. Ср. также недавно вышедшій трудъ Ф. Вестберга: «Къ разъясненію показаній восточныхъ источниковъ о восточной Европѣ», напеч. въ Изв. Импер. Акад. Наукъ, т. XI, № 4, стр. 222—223.

2) Словамъ болгарскаго царя о сѣверномъ сіяніи А. А. придавъ такой смыслъ, какому онъ въ подлинникѣ вовсе не имѣютъ: тамъ царь говоритъ только, что борьба демоновъ (которой онъ приписывалъ появленіе сѣв. сіянія) *происходитъ* каждый вечеръ, но не утверждаетъ, что сопряженное съ нею небесное явленіе также *наблюдается каждый вечеръ*. Да и самъ Ибнъ-Фадланъ говоритъ далѣе, что на слѣдующую ночь онъ на небѣ замѣтилъ только «малое число звѣздъ».

3) А. А. не представилъ никакихъ данныхъ, опровергающихъ свѣдѣнія, сообщаемыя Ибнъ-Фадланомъ. Конечно, каждый воленъ, сколько ему угодно, сомнѣваться въ сообщеніяхъ автора Записки и сокрушаться о «досяднхъ для археолога и историка неточностяхъ и умолчаніяхъ», но это еще не даетъ права безусловно отрицать его показанія на основаніи однихъ только личныхъ убѣжденій, предполагаемыхъ искаженій текста, необоснованныхъ гипотезъ и т. п. Попытки подобной критики не могутъ, конечно, имѣть ни малѣйшаго *научнаго* значенія. Отмѣчу здѣсь мимоходомъ обстоятельство относительно нечистоплотности Ибнъ-Фадлановыхъ руссовъ, не входя въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, кого должно разумѣть подъ этими руссами. Ибнъ-Фадланъ рассказываетъ, что руссы, одинъ за другимъ, умывали лицо, руки и волоса изъ одной и той-же посуды, въ которую, умывшись, также плевали и сморкались, но нигдѣ не говоритъ, что они всѣ умывались одной и той-же водой, т. е. помоями (ср. соч. Котляревскаго: О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ, стр. 026).

4) Относительно женскихъ нагрудныхъ лядунокъ, шейныхъ гривень и дорогихъ бусъ мнѣ остается только напомнить о давно уже высказанныхъ по этому предмету мнѣніяхъ такихъ компетентныхъ ученыхъ, какъ Расмусенъ (De Orientis commercio, р. 33), Френъ (Ibn Fozlan, стр. 88—90), П. Савельевъ (Мухам. Нумизм. стр. LXXXIX), Котляревскій (О погреб. обыч., стр. 022—024), Стасовъ (Замѣтки о Руссахъ Ибнъ-Фадлана,

стр. 312—313), Heyd (Gesch. d. Levant Handels, I, 73—74) и G. Jacob (Der Nordisch-baltische Handel d. Araber (Leipzig. 1887), p. 146).

5) Пренебрежительное отношеніе къ замѣткѣ Ибнъ-Фадлана о странѣ и народѣ Вису, которымъ въ Якутовомъ Словарѣ посвящена еще особая статья, я могу себѣ объяснить только тѣмъ, что А. А. не обратилъ должнаго вниманія ни на подробное изслѣдованіе, которое Френъ помѣстилъ въ своемъ сочиненіи Ibn Foslan и пр., стр. 205—233, ни на замѣчанія пок. Савельева въ его Мухаммеданской Нумизматикѣ, стр. СХХІІ—СХХХІV. Оба они, какъ извѣстно, подъ этимъ Вису разумѣли Несторову Вѣсь на Бѣлѣозерѣ, лежащемъ на 5° сѣвернѣ Булгара. Прибавимъ къ этому еще, что Якутъ въ статьѣ объ Игилѣ или Волгѣ (I, 113) говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «по этой рѣкѣ купцы ѣздятъ къ Вису и вывозятъ оттуда множество мѣховъ бобровыхъ, собольихъ и бѣличьихъ». См. G. Jacob: Der Nordisch-baltische Handel der Araber, p. 109—110, 122—124, и Welche Handelsartikel bezogen die Araber des Mittelalters aus den nordisch-baltischen Ländern (Berlin, 1891), стр. 21. Г. Вестбергъ въ упомянутомъ выше трудѣ своемъ (стр. 221—223) приравниваетъ Вису, по мѣстоположенію, которое имъ отводитъ Якутъ, къ самоѣдамъ.

6) Сомнѣнію на счетъ множества змѣй на деревьяхъ болгарскихъ я пока могу противопоставить только видѣнное мною самимъ явленіе подобнаго-же рода въ окрестностяхъ Астрахани: въ 1864 году, разыскивая тамъ мѣстность древняго г. Итиля, я забрелъ въ такое болотистое мѣсто, гдѣ едва-ли не на каждой камышинѣ, вдвое превышавшей средній ростъ человѣка, находилось, если не по 10, то все-таки по нѣскольکو обвивавшихъ ее змѣй. Дѣло естествоиспытателей подтвердить или отвергнуть возможность подобнаго явленія и на нашемъ сѣверѣ. Что касается обилія орѣховыхъ деревьевъ въ болгарской землѣ, то уже Френъ (Die ältesten Nachrichten, стр. 542) и Савельевъ (Мух. Нумиз., стр. LXXXIV—V) замѣтили, что орѣхи, привозившіеся на продажу въ Среднюю Азію, назывались «болгарскими».— Что касается совершенно произвольно приписываемаго Ибнъ-Фадлану неумѣнія отличить листовенную березу отъ хвойной сосны, то А. А. упустилъ изъ виду, что Ибнъ-Фадланъ съ сосной имѣлъ полную возможность ознакомиться вдоволь уже у себя на родинѣ, гдѣ она по арабски называется صنوبر (см. Ritter's Erdkunde, Bd. VIII, Palästina u. Syrien), тогда какъ березу онъ впервые увидѣлъ лишь въ болгарской землѣ и придалъ ей мѣстное названіе خرنج. Кромѣ того А. А., повидимому, не знакомъ съ весьма правдоподобной догадкой Френа, по которой сравненіе Ибнъ-Фадланомъ верхушки березы съ верхушкою пальмы позволяетъ предполагать, что онъ говоритъ о такъ называемой плакучей березѣ (betula alba), отличающейся своимъ длиннымъ,

снизу по большей части оголеннымъ стволомъ и нависшими сверху вѣтвями. Да и простыя высокія березы, съ голымъ, сажени на двѣ, стволомъ и развѣсистю верхушкою представляютъ на сѣверѣ самое заурядное явленіе.

7) А. А. не потрудился объяснить, въ чемъ именно заключается предполагаемый имъ пропускъ въ разсказѣ о первомъ приѣмѣ у царя болгаръ. При этомъ не могу не замѣтить, что отъ арабскаго посла начала X-го вѣка нѣсколько странно ожидать такой обстоятельный и детальный отчетъ обо всемъ видѣнномъ имъ на чужбинѣ, какой мы вправѣ требовать отъ научно хорошо подготовленнаго путешественника нашего времени. Ибнъ-Фадланъ отмѣчалъ, конечно, лишь то, что его наиболѣе интересовало и поражало, и мы можемъ, если хотимъ быть справедливыми, только отнестись съ глубокою благодарностью и снисходительностью къ его скромному труду и его интереснымъ сообщеніямъ, до сихъ поръ не опровергнутымъ *научною* крятикою¹⁾.

8) Роль украшенной коврами и подушками скамьи не требуетъ, кажется, дальнѣйшаго разъясненія: по словамъ Ибнъ-Фадлана, на нее былъ положенъ знатный покойникъ русскъ, и такъ какъ о снятіи его съ этой скамьи въ Запискѣ далѣе ничего не говорится, то мы вправѣ предположить, что на ней онъ не только былъ внесенъ въ палатку, но и сожженъ. Въ величій палатки также нѣтъ ничего поразительнаго: во-первыхъ Ибнъ-Фадланъ говоритъ, что для похороны *бѣднаго* человѣка русскы дѣлаютъ *небольшое* судно, изъ чего можно заключить, что для *знатнаго* русса устраивалось *большое* судно, которое и давало возможность разбить на немъ *большую* палатку; во вторыхъ въ Запискѣ не говорится, что 6 человѣкъ, входившихъ къ покойнику въ палатку, кромѣ рабыни и старухи, *одновременно* вошли въ палатку, да и возложенную на нихъ обязанность они никакъ не могли исполнить *въ одно и тоже время*. Дѣло въ томъ, что выраженіе *باسرهم* неправильно переведено словами «*съ вѣсть*», тогда какъ оно значитъ «*всѣ до единого*», или, какъ правильно перевелъ Френъ, «*sammt und sonders*». Что касается «малочисленности подпоръ для большого судна», то подъ арабскимъ словомъ *سفينة* должно понимать, конечно, не барку, а большую ладью или, пожалуй, большой *плотъ*, на что указываетъ другое значеніе этого слова: «*книга продолговатой или широковатой формы*» (см. Dozy,

1) Упрекъ Якуту за неумѣіе отличить волжскихъ болгаръ отъ славянъ А. А. смѣлчаетъ замѣткою, что даже въ нашихъ лѣтописяхъ болгары волжскіе смѣшиваются съ при-дунайскими, но при этомъ не счелъ нужнымъ высказать свое собственное мнѣніе относительно національности волжскихъ болгаръ. Довольно странно также, что послѣ приведеннаго мною въ самомъ началѣ рѣзкаго приговора А. А. о полнѣйшей непригодности Ибнъ-Фадлановой Записки извѣстіе о погребеніи знатнаго русса, не смотря на рядъ неточностей и умолчаній онъ-же называетъ «замѣчательнымъ и драгоценнымъ разсказомъ». Причина такого нѣсколько снисходительнаго отзыва, къ сожалѣнію, необъяснена.

Supplément aux dictionnaires arabes I, 660), для большой же ладьи или большого плота, могли быть вполне достаточны 4 деревянные подпоры (въ Запискѣ, на бѣду археологовъ, опять «досадное умолчаніе»: не показаны размѣры ни судна, ни палатки, ни подпоры).

9) У Ибнъ-Фадлана сказано, что деревянные идолы разставлены были не «близъ» зажженной ладьи, а «оокруги» нея (حولها), слѣдовательно онѣ могли и не подвергаться опасности сгорѣть вмѣстѣ съ покойникомъ (къ сожалѣнію, новое упущеніе: не указано ни разстояніе, ни число идоловъ и пр.) Въ чемъ заключается неточность описанія обряда зажженія лодки, погребальной одежды, и т. д. и т. д., А. А. ничего не говоритъ, довольствуясь заявленіемъ, что разсказу Ибнъ-Фадлана обо всемъ этомъ «нельзя довѣрять».

10) Подробный отвѣтъ на счетъ упоминаемыхъ Ибнъ-Фадланомъ франкскихъ мечей даютъ извѣстныя замѣчанія о нихъ Френа, Савельева, Котляревскаго и Якоба. Замѣчу только, что волнообразность мечей относится, конечно, не къ формѣ ихъ, а къ струистому отливу клинковъ, какъ на это указываетъ арабское слово مشط (правильно переведенное Френомъ: wellenförmig gestreift), а зеленія деревья явились на нихъ вслѣдствіе того, что переводчикъ вмѣсто محضر (изображающей) прочелъ مخضر (зеленый). Такимъ образомъ предположеніе А. А., что Якуту вѣроятно попался не вполне исправный текстъ Ибнъ-Фадлана, терять свое значеніе.

Подвести всему этому итоги и сдѣлать окончательный выводъ изъ сказаннаго предоставляю компетентнымъ судьямъ.

В. Тизенгаузенъ.
